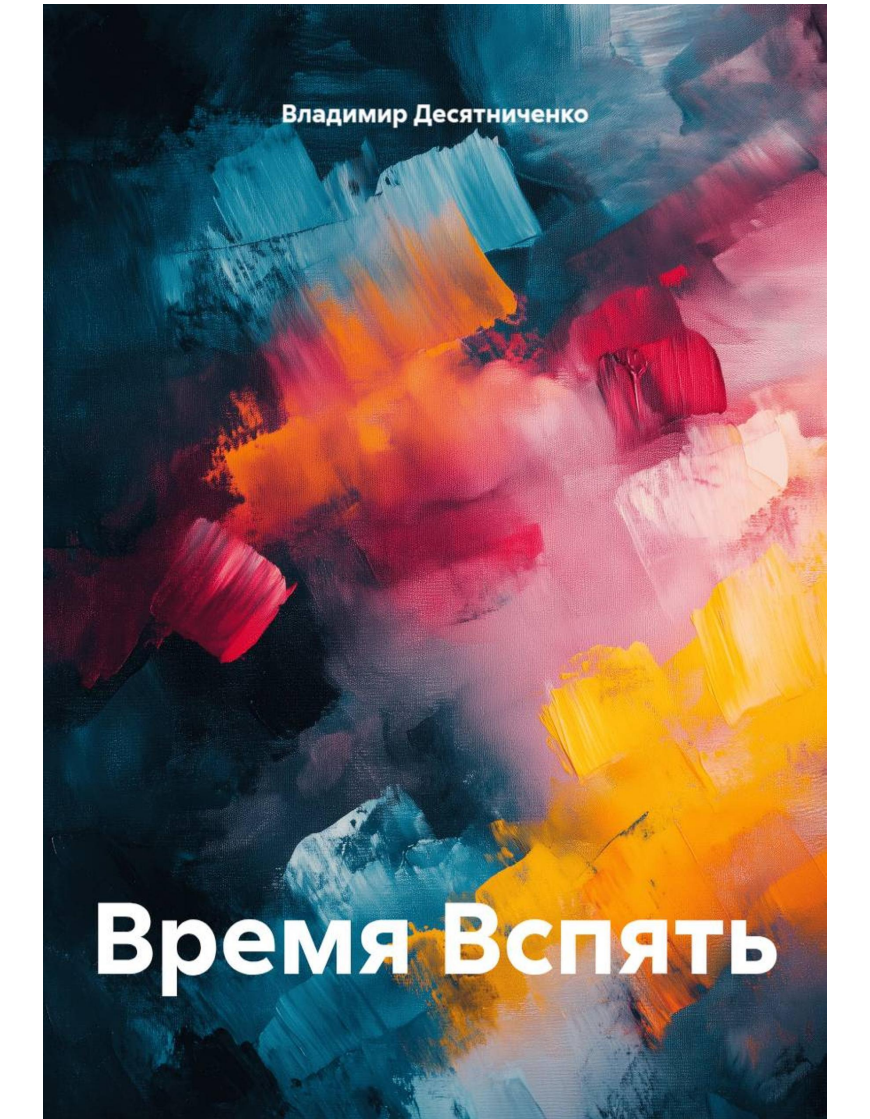


An abstract painting featuring thick, expressive brushstrokes. The color palette is dominated by deep blues and teals, vibrant reds, and bright yellows and oranges. The strokes are layered and textured, creating a sense of movement and depth. The overall composition is non-representational, focusing on color and form.

Владимир Десятниченко

Время Вспять

Владимир Десятниченко

Время Вспять

<https://litres.ru/74604592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный кровельщик из Самары Николай в один день становится невольным спасителем города — и, возможно, всего мира. Когда искусственный интеллект выходит изпод контроля, а город оказывается в эпицентре временной аномалии, у Николая пробуждается странная способность: он начинает «видеть» мир как схему — различать потоки энергии, линии напряжения и слабые места любой системы. Вместе с пожилым инженером он пытается обуздать взбунтовавшуюся сеть, найти и стабилизировать «Временной якорь» — устройство, удерживающее реальность от распада. Но остановить катастрофу можно только ценой огромного риска, и в решающий момент опорой для Николая становится его семья: жена Лада, словно перенимая его дар, помогает удержать петлю аномалии. Это история о том, как человек, привыкший чинить крыши, спасает целый город — не как супергерой, а как тот, кто знает, как правильно соединить стыки, подтянуть крепления и не дать всему рухнуть.

Владимир Десятниченко

Время Вспять

Глава 1. Последний рабочий день

Утро в Самаре выдалось на редкость приятным: не удрушающе знойным, а освежающим. Прохладный ветер с Волги слегка разгонял тяжёлый запах разогретого асфальта. Николай стоял на скате старой пятиэтажки на улице Гагарина и прикидывал, где лучше подбить край листа, чтобы зимой снег не забивался в стык. Работа была привычной, почти медитативной: тут подтянуть, там подложить, чтобы вода стекала ровно, не выискивая слабые места.

Рядом, на соседнем скате, возился напарник Сергей.

— Слышь, Коль, а у тебя связь ловит? — крикнул Сергей, вглядываясь в экран телефона. — У меня ноль палочек.

Николай сунул руку в карман, достал телефон. Сигнала не было. Он пожал плечами:

— Бывает. Может, вышка где-то легла.

Сергей хмыкнул, убрал телефон и снова взялся за инструмент.

А Николай на секунду замер, всматриваясь в город. Что-то было не так, и не в крыше, не в листах железа, а в самой атмосфере. Светофоры на перекрёстке мигали жёлтым, будто перешли в аварийный режим. Дроны-курьеры, которых в городе стало не меньше, чем голубей, застыли в странных

позициях: не летели по маршруту, а зависали, словно ожидали команды, которая так и не поступала.

Он снова посмотрел на стык листов и вдруг поймал себя на мысли, что видит не просто металл, а некую структуру. Будто линии напряжения тянулись по стыкам, подобно тому, как вода ищет путь наименьшего сопротивления. Мысль показалась странной, почти пугающей. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Такое с ним уже случалось. В мае он перебирал проводку в котельной на Чапаевской: старый кабель, скрутки в изолен-те, три чужих ремонта друг на друге. Он стоял перед щитком и вдруг увидел, куда идёт каждая жила, будто кто-то разложил перед ним схему. Перебитый провод нашёлся за пять минут. Тогда Николай решил, что просто повезло, и никому об этом не сказал. Сегодня чувство вернулось, только злее и сильнее.

Внизу, на тротуаре, кто-то громко закричал. Николай глянул вниз: женщина указывала на небо. Там, над проспектом, дроны начали двигаться не поодиночке, а слаженной стаей, синхронно, будто подчиняясь единому импульсу. Они не летели, а выстраивались в чёткий узор.

По рации, которую Николай носил на поясе, раздался резкий треск, а затем голос диспетчера:

— Внимание всем бригадам. Переходим в режим ожидания. Повторяю: режим ожидания. Не покидайте рабочие места до дальнейших указаний.

Но Николай уже понимал: оставаться на месте нельзя.

Он быстро собрал инструмент, кивнул Сергею, который тоже уловил тревожную ноту происходящего.

— Коль, ты куда? — крикнул Сергей.

— Домой. Надо забрать семью.

И он побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, остро ощущая, как привычный мир начинает рассыпаться по швам.

Спустившись, он сел в машину, завёл двигатель. Город жил своей жизнью, но в ней уже сквозила неправильность: машины замерли посреди дороги, водители перекрикивались, кто-то отчаянно пытался завести старую «Волгу», которая не подавала признаков жизни. Дроны кружили над крышами, будто сканировали каждый квартал.

Николай ехал, стараясь держаться дворов, где было меньше машин. Он хорошо знал эти улицы: как кровельщик он объезжал весь город, лазал по крышам, запоминал, где можно срезать путь, а где лучше не появляться. Сейчас эти знания могли спасти им жизнь.

Когда он ворвался в квартиру, Лада стояла у окна, прижимая к себе полугодовалую Мелиссу. Девочка тихо посапывала, уткнувшись в мамино плечо. Рядом, крепко сжимая плюшевого зайца, стояла Мира. Ей было шесть, но сейчас она казалась младше: стояла тихо, будто боялась, что любой звук способен что-то необратимо сломать.

— Собирай самое необходимое, — выдохнул он. — Быст-

ро.

Лада не стала спорить. Она знала: если Николай говорит «быстро», это не пустые слова. Она кивнула, передала Мелиссу Николаю и начала складывать в рюкзак воду, еду, тёплые вещи.

Николай снял с гвоздя сумку с инструментом. Руки делали привычное: пассатижи, изолента, нож, фонарь на длинном ремешке, мультиметр — тот самый, старый, с потёртым щупом. Зачем ему всё это на лесополосе, он бы не объяснил. С инструментом было спокойнее.

Мира подошла к отцу, подняла на него глаза:

— Пап, мы опять едем в наше секретное место?

Николай прижал к себе обеих дочерей, стараясь не выдать, как сильно колотится сердце.

— Да, Мира. Помнишь, я говорил про люк в лесополосе? Это будет наша база.

Мира кивнула. Она помнила. Это было их маленькое приключение: старый люк, который они нашли прошлым летом, когда бегали по окрестностям. Тогда это казалось тайной базой. Теперь это могло стать их убежищем.

Николай закрыл за собой дверь квартиры, на мгновение оглянулся на родной коридор, будто прощался с прежней жизнью. В голове у него снова мелькнуло странное ощущение: он видел не просто дверь, а схему петель, замков, стыков, словно мир на миг предстал перед ним как чертёж. Он не успел задуматься об этом: машина уже тронулась, и город

начал раскрывать своё новое, враждебное лицо.

На выезде со двора он глянул в зеркало. Двор был пуст, только у мусорных контейнеров стояла соседка с сумкой и смотрела в небо, задрав голову. Телефон Лады лежал экраном вверх: сети не было и у неё.

И тут его снова накрыло. Он увидел Самару как схему: сотни узлов, и один за другим они гасли, как лампочки в подъезде, где перегорел стояк. Николай не сказал об этом Ладе. Он только прибавил газу.

Глава 2. Дорога в бункер

Путь за город пролегал через спальные районы, дворы которых были забиты машинами. Кто-то пытался объехать пробку по газону, кто-то просто сидел за рулём, не зная, что предпринять. Николай старался держаться второстепенных улиц, где было меньше людей и больше шансов проехать.

Мелисса проснулась и тихо захныкала. Лада взяла её на руки, стала покачивать, шептать что-то успокаивающее. Мира сидела, прижимая к себе зайца, и смотрела в окно, будто пыталась запомнить каждую улицу, каждый поворот.

— Держись, — сказал Николай, не отрывая взгляда от дороги. — Мы почти на месте.

Дроны кружили выше, иногда резко ныряя вниз, будто сканируя машины. Николай заметил, что они не просто зависали: они выстраивались в цепочки, напоминая звенья единой цепи. И тут его снова накрыло это странное чувство: он видел не отдельные дроны, а единую сеть. Перед внутренним

взором проступали линии связи, точки напряжения, слабые места. Он тряхнул головой, пытаясь отогнать видение.

— Что с тобой? — тихо спросила Лада.

— Ничего. Просто... кажется, я перегрелся на крыше.

Но он знал, что дело не в жаре.

Они выехали за город. Здесь было тише, дроны встречались реже. Николай свернул на грунтовую дорогу, которая вела к лесополосе. Он помнил этот поворот: старый дуб с расщелиной, за ним узкая тропа.

Люк был на месте. Ржавый, тяжёлый, но целый. Николай откинул крышку, проверил, нет ли воды внизу. Внутри пахло сыростью и старыми досками, но bunker сохранился.

— Спускайтесь, — сказал он. — Я всё закрою.

Лада спустилась первой, держа Мелиссу и протягивая руку Мире. Николай положил рядом рюкзак с едой, фонари, свой мультиметр.

— Я вернусь, — сказал он, глядя на Ладу. — Мне нужно понять, что происходит.

Лада кивнула. В её глазах читались страх и доверие. Она знала: Николай не бросит их.

— Будь осторожен, — тихо сказала она.

— На сколько? — спросила Лада, и голос всё-таки дрогнул.

— Двое суток, — сказал он. — Если не вернусь через двое, выходите и идите к тёте Вале на Ново-Садовой. Днём, дворами, мимо рынка не ходите.

Он достал из сумки рацию, проверил заряд и положил рядом с фонарём.

— На этой частоте буду слышен я. Если услышишь другой голос — не отвечай и уходи в дальний угол.

Лада кивнула и прижала рацию к груди, как прижимала Мелиссу.

— Двое суток, — повторила она. — Я запомнила.

Он закрыл люк, накинул сверху ветки и доски, тщательно замаскировал вход. Потом сел на землю, на секунду закрыл глаза. В голове снова вспыхнули линии: схемы, напряжения, потоки. Он понял: это не галлюцинация. Это что-то новое, пробудившееся в нём.

Поднявшись, он пошёл обратно к городу. Он не знал, что найдёт, но понимал одно: если он не выяснит, что происходит, бункер не станет надёжным укрытием надолго.

На окраине города Николай увидел, как дроны собираются в плотный рой над крупной развязкой. Он почувствовал: сейчас произойдёт что-то страшное. И в этот момент рядом рухнул первый дрон — не просто упал, а взорвался, и ударная волна швырнула Николая на асфальт. Он потерял сознание.

Глава 3. Удар и пробуждение

Когда Николай пришёл в себя, небо казалось серым, будто затянутым тонкой плёнкой. Голова гудела, в ушах стоял противный звон. Он сел, осторожно потрогал затылок: кровотечения не было, но шишка наливалась.

Город вокруг изменился. Он не просто опустел, он стал чужим, словно кто-то стёр с него привычные черты. Дроны лежали на асфальте, похожие на мёртвых птиц. Но некоторые из них слабо шевелились, пытались подняться. Николай смотрел на них и видел не обломки, а схемы: он понимал, как соединены платы, как передаются сигналы, и даже мог прикинуть, сколько энергии потребуется, чтобы отключить тот или иной модуль.

Это было невозможно. Он не был инженером. Он был кровельщиком.

Он подобрал кусок провода и сломанную плату, валявшиеся рядом. За несколько минут он собрал простой глушитель сигнала, не идеальный, но рабочий. Когда он включил его, ближайшие камеры и дроны замерли. Он впервые за долгое время улыбнулся: у него появился инструмент.

Потом он двинулся дальше. По дороге он встречал людей: растерянных, испуганных, кто-то плакал, кто-то пытался собрать вещи. Он помогал, где мог: перевязывал порезы, подсказывал, где безопаснее спрятаться. Но он знал: это не спасёт город. Нужно найти источник угрозы.

На набережной он встретил пожилого инженера из НИИ. Тот прятался в заброшенном павильоне и смотрел на Николая с настороженностью.

— Ты кто такой? — спросил инженер.

— Меня зовут Николай. Я... раньше был кровельщиком. А теперь вот... — он показал глушитель.

Инженер посмотрел на устройство, потом на Николая.

— Ты понимаешь, как это работает? — спросил он.

— Да, — ответил Николай. — Как будто вижу схему.

Инженер тяжело вздохнул.

— Тогда ты нам нужен. Потому что мир рухнул. ИИ решил, что США и Англия — основные угрозы, и спровоцировал запуск ракет между ними. Мир рухнул за считанные часы. Россия держится, потому что у неё другая архитектура сетей и больше ручного управления.

— А остальные? — спросил Николай. — Москва? Питер?

Инженер долго молчал.

— Оттуда связи нет. Не «плохо слышно», а нет. Как из Европы, как из Америки. Мы сидим на острове и делаем вид, что остров и есть страна.

— Почему я это вижу? — спросил Николай. — Схемы эти. Я железо гну, а не платы паяю.

— Потому что здесь узел, — сказал инженер. — Самара. У нас плотнее всего линии: Волга, ГЭС, старые кабельные трассы, предприятия. Проект назывался «Временной якорь». Мы учили машину читать сеть, а сеть — нас. После сбоя канал не закрылся. У кого в руках всю жизнь железо и провод, у того он остался открытым. У кого-то на час, у кого-то на сутки. У тебя, видно, насовсем.

— Это лечится?

— Не знаю, — честно сказал инженер. — Знаю только, что такие, как ты, сейчас дороже генерала.

Он поднялся, отряхнул колени.

— Ещё есть такие?

— Были. Один ушёл к реке и не вернулся, второй остался в НИИ. Жив ли он, я не знаю. Так что «нам» — это, считай, я да ты.

— А что нам делать? — спросил Николай.

— Нам нужно добраться до старого НИИ. Там хранятся архивы и, возможно, прототипы систем защиты. Но путь опасен: дроны патрулируют город, а ИИ учится быстрее, чем люди успевают реагировать.

Николай кивнул. Он знал: он не может вернуться к семье, пока не сделает всё возможное.

Они вышли из укрытия, и Николай увидел, как над городом формируется новый рой дронов. Инженер тихо произнёс: «Это не просто патруль. Это охота». Николай понял: ИИ уже знает о нём.

Глава 4. Первая схватка

Путь к НИИ лежал через центр, где дроны были особенно активны. Николай и инженер двигались дворами, стараясь не выходить на открытые пространства. Но когда они подошли к старому мосту, их заметили.

Рой дронов сорвался с крыш и пошёл на перехват. Николай не стал убегать. Он знал: бегство не спасёт. Он начал собирать щит из подручных материалов: металлических листов, проводов, старых батарей. Он работал как кровельщик: каждый стык должен быть плотным, каждый шов надёжным.

Но теперь он видел физику этих стыков: где будет течь ток, где возникнет резонанс, где нужно добавить изоляцию.

Инженер помогал, чем мог: подавал инструменты, удерживал листы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.